

ДОБРОТА

Невысокого роста, подвижная, со множеством морщинок на лице и волосами совсем белыми от седины. Говорят, глаза – зеркало души человека. В этом я убедилась, глядя на Клавдию Иосифовну Бубнову. Рассказывала о своей нелегкой жизни, а отражались в её небесно-голубых глазах различные чувства: из грустных и мечтательных превращались вдруг в радостные и счастливые. Взгляд у моей собеседницы мягкий и доверчивый. Нелегкую жизнь прожила эта пожилая женщина. Но осталась жизнелюбивой, стойкой, доброй.

Испытания на проверку силы духа посыпались на неё с десятилетнего возраста. Жила она в одном небольшом селе Новосибирской области вместе с родителями, братом и сестрой. Семья большая, надо было кормить ребятишек. Поэтому и держали в подсобном хозяйстве две коровы, две лошади, сами пахали, сами сеяли, сами урожай убирали. Еще и государству зерно, мясо продавали. Да только не те были времена, чтобы зажиточного крестьянина, работягу, хозяина своего клочка земли по головке гладить да поощрять и стимулировать его тяжкий труд. В 1930 году в период массового раскулачивания сослали с насиженных мест и родителей Клавдии Иосифовны. Отобрали и коров, и лошадей, и весь урожай зерна. Заклеймили семью позорным именем «кулак», «единоличник», пособник капиталистов. Отравили с тремя маленькими детьми на лошадях в незнакомое дотоле место – почти необитаемую глубинку – Большой Скит Пудинского района.

- Многие семьи подверглись тогда подобной участи, стали спецпереселенцами, с горечью вспоминает К.И. Бубнова. – Сколько детишек погибло по дороге от холода и голода... Не щадили ни беременных женщин, ни матерей с грудными младенцами, ни малолетних детей, ни стариков.

Первые годы ссылки остались в памяти самыми страшными и тяжелыми. В Большом Скиту стоял только один старообрядческий монастырь, в котором жили нелюдимые киржаки. На дворе лютовал февраль. На день хозяева молебни пускали к себе погреться, а ночку приходилось коротать на улице под навесом. Спали на морозе, пытаясь согреться теми вещами, которые были при себе.

Спецпереселенцев в этой глухой пустынной местности насчитывалось 50 семей. Но не каждый из них смог найти в себе силы встретить этот жестокий удар судьбы мужественно. Многие бежали, но их вылавливали, возвращали обратно и отправляли в лагеря, разлучая детей и родителей.

Сообща беде легче противостоять. Весной собрались мужчины из четырех семей и построили барак. Корчевали лес, сажали картошку на новых огородах. А ребятишки помогали взрослым чем могли. Первое время питались картошкой, выменянной на оставшиеся вещи. Мололи черемуху и стряпали лепешки. Но в основном выжили только за счет рыбы. Её в былые времена в реках и озерах водилось много.

С годами стали обживаться на новом месте, свыкаться со своей долей. Ещё один дом построили, теперь уже на два хозяина.

Неженский, грубый, тяжелый труд лег на плечи женщин и детей. С 14-летнего возраста работала Клавдия Иосифовна в леспромхозе. Весной сеяла, корчевала лес, зимой дрова колола, осенью на покос ездила, как многие женщины того времени. Никогда не кичилась своими заслугами, не жаловалась на недомогания, хвори, не жалела своих юных годочков.

Удивляюсь доброте этой простой русской женщины, столь пережившей на своем веку.

Не таит она в глубине души ни злобы, ни ненависти к тем, кто принял активное участие в изменении и осложнении её судьбы, кто так бесцеремонно обошелся с её родителями и её чувствами, кто лишил ее нормального счастливого детства.

- Злости на сердце нет, но обидно, что с нами даже не посчитались, выгнали, как вредителей Советской власти. А отец с матерью были честными людьми, работягами, - говорит К. И. Бубнова.

Лицо старушки посветлело, в глазах заискрился радостный огонек, когда вспомнила о своем суженом.

Познакомилась молоденькая Клава с деревенским пареньком Иваном. Росток любви способен творить чудеса даже в самых не сказочных местах. Полюбили молодые друг друга, поженились... Иван Ефимович тоже был спецпереселенцем с Алтайского края.

Но семейное счастье было недолгим. Уже родилась первая дочка - Валюша, когда дошла до Большого Скита страшная весть о войне... Сначала из села мужчин на фронт не брали, ведь числились они как враги Советской власти. Но дошла очередь и до них. Призвали Ивана Ефимовича Бубнова на фронт, где получил тяжелое ранение, долго лежал в госпитале, после чего его отправили домой, без руки...

- Незадолго до его возвращения увидела сон, который оказался вещим. Я ведь с фронта ни одной весточки от Вани не получила, конечно, страшно было. Во сне явился ко мне наш солдатик, у него одной руки не было, и говорит: «У вас все дома?» Улыбнулся и ушел... А после и муж пришел, - вспоминает женщина.

Из деревеньки ушло тогда 30 человек, а вернулись живыми только трое. Воспоминания о войне... В глазах застыла непрошенная слеза, между бровями обозначилась горестная морщинка. Уживались в женском сердце боль и печаль по погибшим односельчанам и радость по вернувшемуся живым мужу. Первое время тяжело ему было привыкнуть работать одной рукой. Но преодолел все, приспособился и траву косить, и коней запрягать, и рыбу ловить. Приходилось и Клавдии Иосифовне, тогда еще молодой женщине, работать за четверых: и за скотиной ухаживать, и огород сажать. Для фронта сдавали мясо, продукты.

С нетерпением ждали окончания войны, возвращения близких, верили в нашу победу. А вот узнали о победном дне не сразу... Ведь ни радио, ни газет в поселении не было.

- Зато, когда появилось в доме радио, целыми сутками сидели подле него, не могли оторваться, так это было интересно и необычно, - улыбается старушка, и смешинка появляется в её лучезарных глазах.

Пошли у Бубновых детки, один за другим. Их у Клавдии Иосифовны шестеро.

Никогда не жаловалась она на свою нелегкую долю.

Жила, трудилась, детей растила. Радовалась, что рядом дорогой сердцу человек, который и тревогу разделит, и порадует вместе. Лад и согласие в семье поселились.

В 1948 году переехали в Ласкино. Бубнова работала в промартели. Опять неженский труд: корчевала осмол, возила сено. Удивляюсь этой сильной женщине. Как она смогла поднять на ноги, дать образование шестерым детям? Сейчас одного малыша заводить страшно., всё жалуемся на нестабильность жизни.

- Раньше – то ведь как было? Никаких льгот у нас не было, о правах и слыхом не слышали. А про декретный и послеродовой отпуск и не знали. Родила я дочку, а ко мне через две недели пришли и просят: «Надо овечек постричь, иди, эта работа легкая». Что ж, ребеночка на руки и пошла. А овечку – то надо поднять, перевернуть, удержать, чтобы не убежала.

Работать умели. Учили и детей трудом жить. Подросли, стали сами зарабатывать на нужные вещи.

- И повеселиться умели как следует, от души, - улыбается Клавдия Иосифовна от приятных воспоминаний.

- Гуляли, так непременно всей деревней. Соберемся в клубе и стар, и млад, танцуем, поем. Какое русское гулянье без гармошки?! А сейчас, смотрю на молодых и диву даюсь. Чего им, миленьким, не хватает? Нищеты, голода, холода не знавали, войну не пережили, ходят сытые, обутые, одетые. Казалось бы, жить да радоваться... Ан нет, глаза у них озлобленные, колючие, неприветливые, сами раздраженные, нервные. Раньше люди были более добродушные и дисциплинированные.

Дом у Бубновых в центре села. В любое время года ухожен. А летом столько цветов, что многие подходят к дому просто полюбоваться этим чудом, созданным заботливыми руками Клавдии Иосифовны.

Дети и цветы – это то, что она всегда любила. Её и мы, все соседские ребяташки, знали, как добрую и отзывчивую бабушку.

Свои дети уже выросли. Судьба разбросала их по разным уголкам России. Но соберутся они, бывало, в большом гостеприимном доме – звучат песни, шутки, смех, детские голоса. А родителям приятно, значит помнят, любят, не забыли. Уже и правнук есть у Клавдии Иосифовны. Забываются все невзгоды, боли при виде родных детей и внучат.

Недавно перенесла Клавдия Иосифовна тяжелую утрату – не стало Ивана Ефимовича, с которым прожили они более 50 лет. В эти трудные дни рядом были дети, её надежда, её поддержка.

О. Константинова.